

меня или просто так мучает, но тут один полицейский удивленно спросил у Захарова:

— А что, разве Кошевого уже того... поймали?

— Поймали, — осклабился Захаров, свертывая папироску и не сводя с меня глаз. — Отстреливаться, щенок, вздумал, полицейского ранил. Хорошо, что в нагане у него был всего один патрон...

Когда я пришла в себя, полицейские уже уходили, хлопая дверями. Собрав последние силы, я кинулась за ними, крикнула:

— Олегу... можно еду принести?

— Еду? — переспросил Захаров, криво усмехаясь. — Да его и в Краснодоне-то нет. Вообще нет. Сын твой расстрелян в Ровеньках.

Падая опять, я успела крикнуть ему вслед:

— Палач, будь ты навеки проклят!

Если бы не мама, не знаю, что стало бы со мной. Но я поддалась маминой доброй ласке. Бабушка верила, что внук ее жив, что его не возьмет никакая пуля. И эту непреклонную веру она передала и мне. Вместе с мамой и я стала надеяться. На что? Я этого не могу объяснить. Мы словно чуда ждали...

П Р И Ш Л И

Потянулись черные, длинные дни, длинные бессонные ночи.

Немцы приказали нам два раза в день ходить в полицию отмечаться. С востока грозно доносился артиллерийский гул. Фронт был всего в двенадцати километрах от города. Мы часто следили за нашими самолетами, радостно улыбались, когда они бомбили немецкие войска и склады, не боялись бомб. Как мы ждали своих!